

НОВЫЕ КНИГИ

ВАЖНЫЙ ТРУД О ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ ПОВЕДЕНИЯ ОСЕТИН

Л. А. Чибиров

Статья является рецензией на монографию А. Х. Хадиковой «Этнические образы и традиционные модели поведения осетин». В частности, в ней подчеркивается, что этнические образы и традиционные модели поведения рассматриваются автором как важнейший аспект социального и духовного опыта осетин, этнокультурного наследия в целом. Работа выполнена на основе анализа обширного этнографического материала и с привлечением историко-ретроспективного подхода. Системная реконструкция ценностной сферы народа, морально-нравственных установок, воплощенных в этнических образах и конкретных поведенческих программах, представлена на фоне общего историко-этнографического описания этноса, его социального генезиса и этнической истории. Важно, что целостная картина норм поведения и нравственных убеждений осетин исследуется в тесной связи с теми ценностями, которые составляют основу ментальности осетинского этноса. Научному анализу подвергаются и нравственные ценности народной этики, и их этнокультурные воплощения — стереотипы общения и поведения. В заключении отмечается, что исследование созидательной сути этнической культуры осетин, принципов высокой социальной организованности этноса, не останется незамеченным ни научным сообществом Осетии, ни теми, кому небезразлично собственное этническое прошлое.

Ключевые слова: этнические образы, модели поведения, традиции, стереотипы общения, базовые ценности, менталитет, осетинский этнос, этнокультурное наследие.

The article is a review on the monograph «Ethnic images and traditional behavioral models of Ossetians» written by A. Kh. Khadikova. It is particularly noted that ethnic images and cultural patterns are considered by the author as the most important aspects of social and spiritual experience of Ossetians and ethno-cultural heritage as a whole. The work is performed on the basis of analysis of extensive ethnographic material and with the assistance of historical-retrospective approach. The system reconstruction of people's value sphere, moral and ethical attitudes which embodied in the ethnic images and specific behavioral programs, is presented on the background of general historical and ethnographical description of the ethnos, its social genesis and ethnic history. It is important that a holistic picture of behavioral standards and moral beliefs of Ossetians is researched in close connection with those values that form the basis of mentality of Ossetians. Moral values of national ethics, as well as their ethno-cultural realization — the stereotypes of communication and behavior are scientifically analyzed. It is noted in conclusion that a scientific analysis of the creative essence of the Ossetians ethnic culture, the principles of the high social organization of the ethnic group will pass unnoticed neither by the scientific community of Ossetia, nor by those who care about their own ethnic heritage.

Keywords: ethnic images, behavioral models, traditions, stereotypes of communication, basic values, mentality, Ossetians, ethnic and cultural heritage.

«От рождения и до конца жизни своей, как бы тяжело ни сложилась судьба, надо со славой и честью пронести имя человека».

Этими словами эпического Урузмага, выбранными в качестве эпиграфа, открывается монография А.Х. Хадиковой «Этнические образы и традиционные модели поведения осетин» [1] — работа значительная по научно-теоретическому уровню, содержанию и объему. Читатель, заинтересованный столь ярким началом, едва ли будет разочарован: в книге последовательно, в историко-этнографической ретроспективе предстает один из главных аспектов этнического наследия осетин — система ценностных и нравственных этнокультурных накоплений в их конкретных этико-поведенческих воплощениях. Научному анализу подвергаются уникальные аспекты «исконного» (проверенного и сохранившегося в веках) т.н. «осетинского порядка» — *æгъдау* и намного шире — этики — *ирондзинад* (*иронфатк*). Стоит ли подчеркивать, что интерес к этим базовым ценностям не ослабевал никогда — ни в профессиональных кругах этнологов и краеведов, ни в собственно осетинской этнической среде.

В науке в целом, и в этнологии в частности, сосуществуют исследовательские темы, различные по своей значимости, востребованности, актуальности и интересу. В этом смысле книга Алины Хазметовны отвечает давно сформировавшимся ожиданиям научного анализа конкретных этнографических проявлений исторически сложившегося и весьма своеобразного «кодекса чести» как значимого аспекта этнокультурного наследия осетинского этноса. Исследования созидательной сути коммуникативной культуры осетин, выполненные специалистом-этнологом, были ожидаемы, по причине чего книга, о которой идет речь, едва ли останется незамеченной. По существу, монография Алины Хадиковой является самым фундаментальным исследованием этого направления этнографического осетиноведения. Ни один вопрос, имеющий прямое отношение к теме

исследования, не остается за пределами авторского внимания, подробно и в логической взаимосвязи исследуются традиционные нормы поведения, этнические образы и идеалы, стереотипы, модели, кодексы и институции общения в тесной связи с их нравственной мотивацией и многое другое. Ценно, что система социальных практик и нравственных доминант осетинского этноса рассматривается в объективном сопоставлении с конкретными обстоятельствами его исторического пути. Так, в монографии делаются важные выводы о том, что: коммуникативная культура осетин гораздо древнее, чем представляется нашим современникам; что истоки формирования норм общения и поведения восходят к миру скифо-сарматского единства; что, несмотря на наличие в прошлом сословных структур, тщательно разработанные понятия чести, а также модели достойного и благородного (в социоэтническом осмыслении) поведения действовали у осетин не как проявления аристократического обхождения, а были присущи всем сословиям, являясь общим этническим достоянием, и т.д.

Эти и многие другие выводы, основанные на самых разных источниках — полевом этнографическом материале, фольклорных данных обширной литературной базе (в библиографии — 428 названий, не считая архивные и другие источники) и пр., впечатляют.

Помимо прочего, в работе последовательно и скрупулезно проводится анализ базовых ценностей, проецирующих этническую ментальность. Утверждая, что в самой сути определенного типа этнической культуры присутствуют исторически сложившиеся представления о лучших человеческих качествах и добродетелях, автор в поисках нравственного кода осетин отсылает читателя к конкретному нартовскому сказанию — «Собрание нартов, или кто из нартов самый лучший». Именно в нем нашли свое подробное и развернутое отражение и моральное кредо народа, и вполне конкретные личностные качества, сумми-

рующие «честное и славное имя» осетина. Справедливо характеризуя это сказание как ментальную карту этноса, автор уже на научной основе представляет главные (и этнически опосредованные) «лучшие» качества человека, иерархию нравственных ценностей и личностных достоинств и выстраивает направленность, последовательность и структуру книги. Все ее содержание подчинено главной цели — исследовать на конкретном материале суть уникального и разнообразного мира «осетинского порядка» и его важнейшей части — «чести и славы человека» во всем многообразии объективных коммуникативных воплощений и в этнографической достоверности.

Своеобразный девиз нартовской чести, выведенный в эпиграф, является не только ярким началом исследования, но, в первую очередь — его важным смысловым заданием, полностью характеризующим все последующее содержание монографии. Мы не намерены его излагать, чтобы читатель не потерял интерес, и осветим лишь некоторые из поднимаемых в книге вопросов.

В предисловии обозначается круг исследуемых проблем и определяются поставленные задачи. В первой главе «Осетинский этос: принципы, грани, идеи и воплощения», изложено концептуальное обоснование и авторское видение проблемы. По сути, глава представляет собой основательное теоретическое введение, крайне уместными являются содержащиеся здесь же пояснения терминологического инструментария, адаптирующие научную монографию к восприятию самой широкой аудиторией. В частности, интерпретируются такие специальные научные термины, как «этнос», «менталитет», «стереотип», «этика», «этнический образ» и многое другое. В этой же главе автор предлагает читателю яркий экскурс в историю становления норм общения и поведения в антропо- и этногенетическом контекстах.

Далее рассматриваются особенности социальной жизни осетин в этносфере Северного Кавказа. Интересны многие автор-

ские положения: например — о значении древнейшего присутствия индоевропейцев-осетин и их предков на Кавказе, о смысле осетинской этики, ее широком (*ирондзинад*) и более узком (*агъдау*) смыслах и т.д. И в этой же главе и уже через обращение к литературному наследию Коста Хетагурова автор представляет читателю галерею ярких и типичных этнических идеалов и образов. По мнению автора, творчество Коста представляет «уникальную возможность вникнуть в суть этнических идеалов и характера того народа, достоянием которого он является. Самые разнообразные жанры его художественного слова, публицистика и живопись ярко и достоверно отражают этническую традицию осетин и могут быть источником для серьезных историко-антропологических исследований» [1, 30].

Круг рассматриваемых в начальной главе вопросов этим не ограничивается, он действительно широк. Обратим внимание читателя лишь на некоторые из них: в частности, на причины некоей социальной стагнации жизни осетин в горах. Автор анализирует негативные факторы исторического пути осетин — такие как изолированность в ущельях Центрального Кавказа, исчисляемая столетиями оккупация разделенной жизни этноса, не делающая его сильнее; принадлежность к различным религиозным конфессиям; обстоятельство утраты полного объема родного языка и некоторые другие факты, проецирующие культурную и этнополитическую реальность осетин, в том числе и современных. Вместе с тем, результат исследований утешителен: «Пощельные различия в поведенческой культуре осетин отсутствуют. Варьирует не сама коммуникативная культура и принципы ее реализации, а лишь отдельные локальные особенности, нюансы, никоим образом не нарушающие ее единой структуры» [1, 62]. Суть другого важного вывода, к которому пришел автор, заключается в том, что традиционные нормы общения осетин есть плод формирования двух важнейших составляющих компонентов их

этногенеза. Историко-этнографические реалии и мировоззрение индоевропейцев-алан — приверженцев воинской идеологии взаимодействуют с более поздним этапом — патриархальным образом жизни осетин в тесных ущельях Центрального Кавказа [1, 311].

Вторая глава посвящена наиболее архаичным поведенческим программам и личностным образцам неписаного кодекса воинской чести — автор определяет их как «героика». Разделяя мнение профессора Ф.Х. Гутнова, А.Х. Хадикова считает, что соционормативная и гуманитарная культуры осетин формировались под влиянием самых разнообразных аспектов традиционной военной организации алан со всем многообразием ее яркого эстетического антуража. Исследуя истоки этнических образов, коммуникативных программ и моделей поведения осетин, она совершенно обоснованно связывает их с культурной реальностью воинственного этоса, а точнее — военизированного общественного устройства алан с высокоразвитой нравственно-этической концепцией и соответствующей психологической мотивацией. При этом, как считает автор книги, склонность к удержанию этого наследия явственно просматривается в формировании исконно «мужских» поведенческих кодексов и всех культурных институций феномена *лагдзинад* [1, 311].

Большую смысловую нагрузку несет глава, в которой исследуются возрастные стереотипы в самых различных ситуациях их реализации. В монографии рассмотрен весьма широкий круг общественных и семейных взаимоотношений. Немало внимания уделено *бинонты агъдау* — укладу большой патриархальной семьи. В условиях горного Кавказа именно большой патриархальный семейный коллектив являлся едва ли не единственным надежным убежищем человека, и отнюдь не случайно в «горский» период жизни осетин причастность к большой семье считалась особенно престижной.

На страницах книги воссоздаются многие картины этнографического прошлого осетин: от особенностей смыслового обустройства планировки жилища, сакральной атрибутики и пр. до личностных образцов его обитателей. Как подчеркивает автор, «каждому возрасту соответствовал свой набор полномочий и статус, зафиксированный в различных особенностях внешнего имиджа» [1, 206].

Утверждая, что система этических воззрений осетин включала в себя понятия *амгар* (ровесник), *хистæр* (старший) и *кастæр* (младший), Хадикова подкрепляет свой тезис весьма любопытными примерами из былой реальности так называемого «осетинского порядка». Читатель действительно найдет в книге немало интересных наблюдений, к примеру: отчего хадзар обставлялся сдержано и аскетично, да еще и разделялся на мужскую и женскую половины; каковы семейные сакральности; по каким правилам выстраиваются взаимоотношения многочисленных домочадцев и многое другое. Иными словами, рассматривается все то, что в 1881 г. позволило Всеволоду Миллеру утверждать, что у осетин «этикет соблюдался строже, чем в европейских раззолоченных палатках» [1, 167].

Разъясняя принципы важнейшего морального кодекса «осетинской жизни» — *уæздандзинад* («благородства»), Хадикова пишет: «Принцип *уæздандзинад* был скомпонован не только как поведенческий стиль «благородных» сословий. Он был сформирован много раньше как глубоко архаичный стилиевой компонент сверстнической корпорации «профессиональных» воинов-всадников» [1, 204].

В семейной и общественной жизни осетин важнейшую роль играли также и праздники, особенно посвященные общесельским культам. Им в книге уделено достаточно внимания (последовательность и этапы праздничного церемониала, молитвы жреца, мужские и женские праздники и их отличительные особенности и т.д.).

Значительный интерес представляет и

та часть исследования, которая посвящена «нормам сочувственного, понимающего, доброжелательного отношения людей друг к другу», т.е. самобытной политической культуре осетин. Ее главными воплощениями были взаимоотношения, характерные для народных собраний (*ныхас*), ритуалов, связанных с примирением, с формами народной дипломатии, гостеприимством, традициями коллективного труда, нормами взаимопомощи и пр. Важно, что социальные институты эмпатии рассматриваются в историческом срезе, от индоиранских древностей и периода аланской государственности до горской патриархальной жизни осетинских обществ. Именно в условиях горной изоляции стали стихийно возникать естественные культурные комплексы ущельных обществ, которые хранили многие политические и соционормативные аспекты утраченной государственности алан-осетин. Глава содержит удачные параллели со скифским бытом.

Анализируя традиционный быт горского общества осетин, автор старается заглянуть внутрь произошедшего коллапса и его последствий. По убеждению автора, горские общества не утратили свой гражданский характер, хотя этнос, лишившись равнины, претерпел беспрецедентную по масштабам и последствиям катастрофу — разгром своего государства и оттеснение его населения в горные ущелья Центрального Кавказа. Она также считает, что закономерным результатом этого стал определенный социальный регресс, связанный с несколькими объективными факторами. Среди них: изолированность горских обществ как в отношении друг друга, так и внешнего мира, нерегулярность внутриэтнических коммуникаций; отсутствие централизованного управления, ограниченная экономическая база и т.п. Географические и топографические особенности сделали свое дело — произошла некоторая социальная и, конечно же, политическая дестабилизация. Ценности кровного родства в горных условиях вышли на первый план, они стали

существенным фактором выживания народа. Разветвленная система родственных объединений обрела функции регулирования многих сторон жизни горцев-осетин, став своего рода спасательным кругом для них в этой непростой ситуации.

Одним словом, заинтересованному читателю не просто представлена целостная картина норм поведения и нравственных убеждений осетин — важно, что преподнесена она в четкой системе иерархии ценностей, составляющих основу ментальности осетинского этноса, начиная от самых главных, можно сказать, мировоззренческих ценностей народа и до самых мелких нюансов семейной жизни, полномочий старшего, уважения к женщине, культуры застолья, поведения на свадьбах, народных праздниках, в особенностях похоронно-поминального цикла и многого другого.

В заключении отметим: основная задача, поставленная в исследовании — анализ всего комплекса традиционных коммуникативных норм, присущих осетинскому этносу, а также этнических образов и моделей поведения в историко-ретроспективном аспекте, — решена блестяще, что делает честь его автору. И, как при ознакомлении с любой книжной новинкой, у меня появились некоторые пожелания для будущей работы над темой. В монографии прекрасно представлены все полномочия и распорядительные функции хозяйки большого патриархального дома — *афсин*. Однако авторитет некоторых старших женщин был гораздо шире, чем управление хозяйством собственной большой семьи. Работа только выиграла бы, если бы содержала конкретные примеры тех старших женщин, авторитет которых давал им весомый социальный вес и за пределами семейного коллектива, то есть в обществе.

В той части монографии, которая посвящена исследованию семейных норм, основное внимание уделяется большой патриархальной семье. Изменения, произошедшие в малых семьях и связанное с ними преломление семейных традиций

нуждались в большем внимании автора. Стоило точнее оговорить географические рамки и прочие обстоятельства полевых исследований. Также была бы интересна более четкая привязанность этнографических фактов к конкретным местностям. Эта очень интересная книга еще более выиграла бы, если бы одна из заключительных глав содержала сведения об инновационных процессах. Что из огромной массы рассмотренных обычаев и традиций стало достоянием истории, а от чего нам следует отказаться; что из того, что выдержало испытание временем, все еще эффективно и перейдет к грядущим поколениям? В монографии подробно и значимо представлен уникальный феномен осетинской политической культуры и законодательные центры — ныхасы. При этом автор правильно классифицирует их по значимости — от квартальных до ущельных: *сыхбæстыныхас* (квартальный), *хъæубæстыныхас* (сельский), *иумийагныхас* (в масштабе всего ущелья). Было бы правильно сделать больший акцент на некоторых общеосетинских ныхасах, их высоком «внешнем» авторитете. В частности, ныхас в Дагоме, как своеобразный верховный орган, был

почитаем и у соседних народов, например, у балкарцев.

В целом, научный анализ созидательной сути этнической культуры осетин, принципов высокой социальной организованности этноса не останется незамеченным ни научным сообществом Осетии, ни теми, кому небезразлично собственное этническое прошлое. Но радость выхода полезной и нужной книги омрачена одним обстоятельством: тираж ее всего 100 экземпляров. Исходя из чрезвычайной важности темы исследования, крайне желательно переиздание монографии более солидным тиражом. Такие книги должны быть настольными в осетинских семьях и, конечно же, они должны распространяться более широко — ведь живя в т.н. «информационном обществе», мы на самом деле испытываем дефицит позитивной информации о культурных достижениях разных народов. Более того, в наше время, объективно и независимо от нашей воли, идет явное наступление на лучшие национальные традиции, являющиеся визитной карточкой каждого этноса. А противиться этому мы должны всячески, в том числе и изданием подобной литературы.

1. Хадикова А.Х. Этнические образы и традиционные модели поведения осетин. Владикавказ, 2015.